

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич

За кулисами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651435

Аннотация

«– Вы бываете за кулисами?! Человек, который бывает за кулисами! Десятки мужчин и сотни дам хотели бы быть на вашем месте...»

Содержание

* * *	4
Primo tenore assoluto[10]	8
Баритон[11]	11
Basso profundo[12].	13
Сопрано драматическое[13]	15
Сопрано колоратурное[15]	17
Контральто[16]	19

Влас Михайлович Дорошевич За кулисами¹

* * *

– Вы бываете за кулисами?!

Человек, который бывает за кулисами!

Десятки мужчин и сотни дам хотели бы быть на вашем месте.

Если бы продавались билеты на вход за кулисы, на свете не было бы людей богаче антрепренеров.

А может быть, тогда никто бы и не стал стремиться за кулисы.

Я отлично помню тот момент, когда я впервые отворил маленькую дверь с крупной надписью:

«Посторонним лицам вход строго воспрещается».

Справа спускалась какая-то декорация, слева какая-то декорация поднималась из-под пола.

Так что я должен был поджать локти прежде, чем сделать несколько шагов, – ежеминутно боясь провалиться в какой-нибудь люк.

Вокруг меня сновали средневековые воины, поселянки,

старики с бородами из пакли, студенты того самого университета, где читал свои лекции профессор Фауст!²

Доктор Фауст неистово ругал портного и каждую секунду желал, чтоб его «взял черт».

Мефистофель, не обращая на это никакого внимания, дружески допивал бутылку красного вина с Валентином.

Как будто это вовсе его не касалось.

Маргарита с Зибелем сплетничали что-то про Марту.

У меня кружилась голова.

Через минуту я был влюблен сразу во всех хористок.

А балерины, репетировавшие при закрытом занавесе вальс второго акта, казались мне идеалами красоты.

В самом воздухе кулис есть что-то опьяняющее, как в шампанском. Словом, очутиться в первый раз в жизни за кулисами – это такое наслаждение, выше которого есть только одно: получить приглашение бывать у артистов запросто.

Сотни мужчин и тысячи женщин хотели бы быть на вашем месте.

Видеть богов, когда они сходят со своего Олимпа.

Видеть всех этих Фаустов, Раулей, Валентинов, Амнерис³, Зибелей и Урбэнов⁴ запросто, в частной жизни!

Право, если антрепренеры захотят сделать грандиознейший сбор по возвышеннейшим ценам, им стоит только объ-

---

² Профессор Фауст – герой трагедии И.В. Гёте «Фауст».

³ Амнерис – персонаж оперы Дж. Верди «Аида» (1870).

⁴ Урбан – персонаж оперы Дж. Мейербера «Гугеноты».

явить, что сегодня, вместо всякого спектакля, будет устроена для артистов вечеринка при открытом занавесе.

«Г-жа Кавальери⁵ будет наливать чай, г. Баттистини⁶ выпьет два стакана».

За полный сбор можно будет ручаться.

Когда откроют кассу, в ней уж не будет ни одной ложки бенуара или бельяэтажа: барышники заранее возьмут все. Публика в тысячу раз более интересуется артистами в их частной жизни, чем на сцене.

На сцене их видят все, а в частную жизнь хочется взглянуть каждому, потому что этого не видит никто.

Есть тысячи людей, которые думают, что тенора в частной жизни только и делают, что вздыхают, баритоны наполняют свою жизнь благороднейшими подвигами, а басы – интригами, что примадонны, вместо обеда, нюхают цветы, а меццо-сопрано так и в жизни всегда ходят в трико.

Перед вами человек, живший в одном отеле с Зембрих⁷, Котоньи⁸, Баттистини, Таманьо – этого мало! Перед вами че-

---

⁵ *Кавальери* Лина (1874—1944) – итальянская оперная артистка (сопрано), гастролировала в Петербурге в 1901, 1907—1910, 1914 гг. Дорошевич писал о ней – «Г-жа Кавальери» («Россия», 1901, No 747).

⁶ *Баттистини* Маттиа (1856—1928) – итальянский певец (драматический баритон), гастролировал в России с 1893 г.

⁷ *Зембрих* Марчелла (настоящие имя и фамилия Марцелина Коханьская, 1858—1935) – польская оперная артистка (колоратурное сопрано), выступала в России в 1880—1898 гг.

⁸ *Котоньи* Антонио (1831—1918) – итальянский оперный артист (баритон), в 1872—1894 гг. выступал на сцене Итальянской оперы в Петербурге.

ловец, питавшийся лаврами самого Мазини!

Да, я питался лаврами Мазини!

Это случилось очень просто.

Его человек имел обыкновение сбывать повару нашего отеля по десяти копеек все лавровые венки, которые подносили его «божественному» господину.

И весь отель ел рассольник с лаврами Мазини.

Какая странная судьба постигает иногда артистические лавры.

Лавры славы в союзе с гусиными потрохами!

Если вам угодно, я могу показать вам этих маленьких богов, когда они сходят со своего Олимпа.

Прикоснемся к идолам⁹, не боясь того, что с них слезет позолота.

---

⁹ *Прикоснемся к идолам...* – Парафраз выражения французского писателя Гюстава Флобера: «Не прикасайтесь к идолам – их позолота останется у вас на пальцах».

Primo tenore assoluto¹⁰

Он вернулся с репетиции, пообедал и до спектакля делать ему решительно нечего.

В гости идти нельзя: он сегодня поет.

Спать не хочется.

Читать, – они никогда ничего не читают.

Он шестнадцать раз прошелся по комнате по диагонали, десять раз вдоль стен, сосчитал на полу двадцать четыре паркетных шашки, полежал, рассмотрел на потолке все пятна, два раза принимался рассматривать висящие на стенке номера объявления, решительно не зная, что в них написано, он посидел уже у окна и поводил пальцем по стеклу.

Словом, все развлечения исчерпаны. И вот ему приходит в голову:

– А попробовать взять сегодняшнее до...

Берет.

До как до! Даже отлично. Но как будто немножко сипит. Ну-ка попробовать еще раз!

– До-о-о-о!

Сипит или не сипит? Как будто и нет, как будто и да. Черт его знает.

Не разберешь.

---

¹⁰ Абсолютный первый тенор (*ит.*).

Надо посмотреть горло.

Он берет зеркало, становится против света.

Горло, кажется, ничего. Красноты нет.

А как будто и есть!

На всякий случай лучше попульверизировать.

Он пульверизирует.

Ну-ка теперь.

– До-о-о!!! Положительно сипит. Необходимо пополоскать.

– До-о-о!!!

– До-о-о!!! Еще хуже.

Ах, черт возьми, нужно паровой пульверизатор. Он дрожащей рукой зажигает спиртовую лампочку. Пульверизация сделана.

– До-о-о!

Надо еще. Еще сделано.

– До-о-о!

Ну, теперь окончательно слышно, что сипит. Надо лечь и положить компресс.

Ужасное положение. Вечером петь, а тут... Ну-ка попробовать, помог компресс?

– До-о-о! Вот так сипит!

Тенор схватывается за голову.

– Что делать?.. Горчичник?

Он ставит горчичник.

– Не попульверизировать ли еще?

Он пульверизирует.

– Не положить ли еще компресс?

Он кладет.

– Ну, теперь!

Тенор набирает воздуху, чтобы изо всей силы хватить «до», и из его груди вылетает отчаяннейшее:

– Ша-а-а-а!

Он схватывает себя за волосы, глядит кругом сумасшедшим взглядом, затем кидается к звонку.

Через час он лежит в постели.

Доктор прописывает шестой рецепт. Антрепренер разрывает на себе пиджак. Полный сбор возвращается обратно. Публика ругается.

Спектакль отменен «по болезни тенора». Это вечная, старая, но всегда новая история. Если же, при всем желании, тенор не заметит в горле никакой красноты, – у него непременно зачесется в носу, – и он будет промывать нос до тех пор, пока вместо «до», у него не получится:

– Но-о-о-о!

Они лечатся от скуки и заболевают от лечения.

Баритон¹¹

Он никогда не лечится. Он постоянно здоров. И знаете – почему? Благодаря шерстяной фуфайке.

– О, эта шерстяная фуфайка!

Это трагическое восклицание принадлежит одной пожилой даме, с которой мы однажды разговорились о воспоминаниях ее молодости. Она произносила «о, эта шерстяная фуфайка!» с таким видом, как будто речь шла о каком-нибудь чудовище.

И это было, действительно, чудовище, которое разлучило ее с любимым человеком. Если верить ее словам, – а ей незачем было лгать: все это дела давно минувших дней, – эта фуфайка каким-то шерстяным призраком стояла между ними.

Она урывается от мужа на пять минут и забегает к нему в отель, чтобы обменяться парой слов и тремя поцелуями. А он вместо того, чтобы кинуться к ней навстречу, кричит из соседней комнаты:

– Погоди, погоди, я еще не одет. Сейчас выйду.

– Ах, Боже мой. Да не фрак же ты, надеюсь, надеваешь!

Каждая минута дорога, а он кричит:

– Не фрак, но я запутался в моей шерстяной фуфайке.

После спектакля она ждет его на углу в карете так долго,

---

¹¹ *Баритон* – мужской голос, средний между басом и тенором.

что карета начинает обращать на себя внимание городского.

– Наконец-то! Почему ты так долго? А, я понимаю! Ты ухаживаешь за примадонной...

Он смотрит на нее удивленными глазами:

– За примадонной?! Вот глупости! Просто человек куда-то забросил мою фуфайку, и я долго не мог ее найти.

Везде и всегда шерстяная фуфайка!

Ему предлагают очаровательнейшую поездку за город, а он говорит:

– Хорошо, я могу поехать, потому что на мне моя фуфайка.

Ему говорят:

– Ты пел сегодня, как маленький бог.

А он отвечает:

– Да, я был в голосе, потому что всегда ношу мою фуфайку!

Не дай Бог никому любить человека, который носит шерстяную фуфайку!

Так закончила свой рассказ бедная, фуфайкой убитая женщина.

Basso profundo¹².

Милейший человек, которого жестоко обидела судьба.

Дать голос, с помощью которого можно только напугать женщину.

На сцене изображает злодеев, а в жизни всегда добродушный человек.

Его несчастье – его голос.

Им очень дорожат в отеле. Он тихий, прекрасный, спокойный жилец. Он возвращается сейчас же, после спектакля, и швейцарам не надоедают из-за него никакие дамы, потому что он, по самому голосу, несколько философ и стоит «выше этих пустяков».

Но его голос!

В один прекрасный день ему от скуки приходит фантазия испробовать свой голос.

А ну-ка:

– Fa-a-a!

В номере справа испуганно взвизгивает собака. В номере слева жилища от испуга падает в обморок. Из номера напротив вылетает перепуганный господин с заspanным лицом.

– А? Что? Где горит? Что горит?

Но басу понравилось его «fa», и он решает для собствен-

---

¹² Глубокий бас (*ит.*).

ного удовольствия пустить как следует.

– So-o-o-ol!

Нота за нотой, одна громopodobнее другой, летят друг за дружкой.

Собака в номере справа заливается страшным, душу раздражающим лаем.

Соседка слева от испуга испускает истерические вопли.

Господин, живущий напротив, кричит:

– Хозя-я-яина!!!

Где-то плачут дети. Какая-то старушка с испуга попадает в чужой номер.

И надо всем этим гремит:

«Пиф, паф, пуф!

Тра-ля-ля!»

распевшегося певца.

К вечеру ему отказывают от квартиры и возвращают назад деньги.

Он с изумлением смотрит на управляющего, который поясняет:

– Помилте! Так безобразничать невозможно. Ежели который человек, хоть и выпимши, но до такого безобразия невозможно. Скандал-с!

Хорошо еще, что он не понимает по-русски. Бедняга перебирается в другой отель, где тоже проживет до тех пор, пока ему не придет в голову ужасная мысль послушать свое чудовище.

Сопрано драматическое¹³

Судьба предназначила ей изображать кипучие страсти.

И природа всегда награждает драматических сопрано основательнейшим телосложением.

Очевидно, страсть любит большое помещение. Но между пылкой Аидой¹⁴ и полной дамой, пересчитывающей мужнино белье, нет ничего общего.

Драматическое сопрано почти всегда замужем. И почти всегда пользуется превосходнейшим семейным счастьем.

Страсти успевают надоесть на сцене. После горячего дуэта с Раулем приятно съесть разогретые битки с мужем.

Я всегда относился с большим почтением к этому голосу.

Если бы вы знали, какие прелестные свивальники для своих малюток они делают из тех лент, которыми вы обвязываете ваши букеты!

Муж драматического сопрано всегда спокойнейший человек на свете.

Одно, что его немножко мучит, это беспрестанно смотреть горло своей супруги, нет ли там красноты.

Он должен смотреть горло каждые пять минут.

Каждые пять минут он стоит и смотрит в раскрытый рот

---

¹³ *Сопрано драматическое* – самый высокий певческий голос, отличающийся большой силой звучания на всем диапазоне.

¹⁴ *Аида* – героиня одноименной оперы (1871) Д. Верди.

своей супруги.

В этой позе они и проводят всю свою жизнь.

Сопрано колоратурное¹⁵

Вообразите себе человека, которому в карман посадили маленькую птичку.

Птичка может улететь, она может задохнуться, ее можно придавить! Черт возьми, да разве можно перечислить все, что может случиться с птичкой?

Это величайшая каторга на свете!

Человек ходит, садится, ест, разговаривает и каждую секунду должен думать:

– А что моя птичка? У нее соловей в горле.

Крошечный сквозняк, – и соловей улетел. Она боится простудить его даже своим дыханием.

Вся ее жизнь – непрерывный трепет перед сквозняком.

Она всю жизнь похожа на человека, который только что выздоравливает от воспаления легких.

Если у нее есть мамаша, – а у колоратурных певиц всегда есть мамаша, – она обязана стоять в кулисе с теплым платком.

Едва она сходит со сцены, ее закутывают так, что она задыхается, и чуть не на руках уносят в уборную.

Если вы явились к ней с визитом засвидетельствовать свое

---

¹⁵ *Сопрано колоратурное* – самый высокий певческий голос, для которого характерны подвижность в исполнении фиоритур, пассажей, прозрачность тембра, легкость и свобода звучания в верхнем регистре.

восхищение пред талантом, она смотрит на вас, как будто перед ней внезапно появился бенгальский тигр.

Вы с холода, – и можете ее простудить.

Целый день она занята тем, что кричит:

– Ах, затворяйте двери!

Как будто соседние комнаты переполнены пантерами. Если вы подошли к окну, – она близка к обмороку. От окна вы подойдете к ней и простудите ее. До протянутой руки она дотрагивается осторожно, одним пальчиком, как до льдины.

А когда горничная проходит по уборной, она рыдает:

– Она делает ветер! Меня хотят простудить.

И так всю жизнь.

Контральто¹⁶

На свете не существует контральто высокого роста. Они плотны и приземисты.

Ведь надо же, чтобы было откуда вылетать этим огромным, чуть не басовым нотам.

Про женщин говорят, что они любят сплетничать.

Но клянусь чем угодно, что никогда ни одна сплетня не вылетала на контральтовых нотах.

Контральто слишком серьезны для этого. Сплетня раздается только на высочайших, чисто-сопранных нотах.

Никогда не следует ухаживать за контральто.

Вы услышите отказ на нижних нотах. Да в этом регистре странно бы звучало:

– Люблю!

Если рядом с вами живет контральто, и вы слышите высокие ноты, – это значит, что она ругает свою камеристку.

Если вы слышите ноты нижнего регистра, – это значит, что она отчитывает какую-нибудь легкомысленную подружку меццо-сопрано.

Вы редко услышите смех.

Это удивительно ворчливый и серьезный народ.

Если бы они не обладали контральто, – из них бы вышли

---

¹⁶ *Контральто* – низкий женский голос.

профессора математики.